Посвящается всем людям с мрачным умом
и добрым сердцем

MORBIDLY CURIOUS

A Scientist Explains Why We Can't Look Away

Coltan Scrivner

PENGUIN BOOKS

КОЛТАН СКРИВНЕР

СТРАХ КАК ИНТЕРЕСНО

ПОЧЕМУ МЫ СМОТРИМ ХОРРОРЫ, ЧИТАЕМ ТРУ-КРАЙМ И ЛЮБИМ, КОГДА НАС ПУГАЮТ

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2027

УДК 159.942
ББК 88.252.1
С45

Переводчик Наталья Колпакова
Научный редактор Алексей Котов, канд. психол. наук
Редактор Юлия Самуленок

Скривнер К.

С45 Страх как интересно: Почему мы смотрим хорроры, читаем тру-крайм и любим, когда нас пугают / Колтан Скривнер ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2027. — 288 с.

ISBN 978-5-00223-805-7

Увлекательное исследование Колтана Скривнера посвящено болезненному любопытству — непреодолимой тяге людей к жанрам хоррора и тру-крайма, интересу к паранормальным явлениям, эпидемиям и кровавым историям.

Почему мы ходим на экскурсии в дома с привидениями и верим в сверхъестественное? Зачем нам снятся кошмары? Кто такие темные эмпаты и правда ли, что любители фильмов ужасов жестоки и не способны к сочувствию? Эффективна ли терапия страхом? Стоит ли позволять детям играть в жестокие компьютерные игры? Опираясь на научные данные и результаты собственных исследований, автор размышляет о том, почему нас так привлекает тьма и чему мы можем у нее научиться. Иллюстрируя свои выводы примерами из поп-культуры, он доказывает, что болезненное любопытство помогает людям стать психологически более устойчивыми и лучше справляться со стрессом.

УДК 159.942
ББК 88.252.1

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-805-7 (рус.)
ISBN 9780143137344 (англ.)

© Coltan Scrivner, 2025. All rights reserved
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2027

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог 7

1. Почему мы не в силах отвернуться 15
2. Эволюция болезненно любопытного существа.....34
3. Преступные умы..... 48
4. Как мы воспринимаем паранормальные явления 65
5. Заместительное насилие..... 88
6. Почему нас тянет смотреть на телесные повреждения 106
7. Демоны из наших снов..... 132
8. Темный эмпат.....150
9. Страшные фильмы в страшные времена 177
10. Терапия страхом 194
11. В детях есть какая-то жутинка 220
12. Недооцененное благо 239

Благодарности..... 249
Примечания 251
Предметно-именной указатель.....276

ПРОЛОГ

В 2004 году «Пила» (Saw) сделала поджанр хоррора — расчлененку, или сплэттер, — мейнстримом. Спустя почти двадцать лет, восемь фильмов и более одного миллиарда долларов «Пила» стала одной из самых популярных хоррор-франшиз в истории. Центральная фигура франшизы — серийный убийца, злодей по прозвищу Конструктор, который похищает и мучает людей, подвергая их физическим или психологическим пыткам. Эти пытки — он называет их «играми» — призваны испытать волю жертв к жизни, а заодно наказать их за неблагодарность.

В 2021 году на экраны вышла «Пила: Спираль» (Spiral: From the Book of Saw) — девятый фильм франшизы, который получил разгромную рецензию кинокритика *New York Post* Джонни Олексински. Фанаты «Пилы», писал Олексински, — это «безнравственные психи, которых нельзя подпускать к животным, да и просто к большинству живых существ»[1]. Далее он заявил, что «эти так называемые фильмы целиком и полностью бесполезны и вряд ли заслуживают права на существование даже на обочине кинематографа».

Сказал как отрезал!

Я в жизни не читал более непримиримой критики, чем эта рецензия на «Спираль». Автор не только разгромил фильм, но и смешал с грязью его фанатов. По мнению Олексински, получение удовольствия от просмотра «Пилы» — не просто вопрос вкуса или культуры. Нет, это

моральная позиция. Для всякого, кому нравится смотреть на сцены запредельного насилия, оно непременно будет допустимым и в реальной жизни. По этой логике любители таких фильмов, как «Пила», опасны для общества.

Олексински не одинок в своем праведном гневе. Сколько существует кинематограф, столько критики пишут о предположительно порочной натуре поклонников хоррора. Однако особенно сильную панику фильмы ужасов вызывали в 1980-е годы. Начало десятилетия ознаменовалось появлением киллера в маске, который с мачете наперевес охотился на тинейджеров в лагере Кэмп-Кристал-Лейк. Фильм «Пятница, 13-е» (Friday the 13th) стал большим кассовым успехом, собрав почти 60 млн долларов в мировом прокате[2]. Тем не менее он не удостоился того же признания критиков, что его леденящий кровь «старший брат» — вышедший в 1978 году «Хэллоуин» (Halloween). В «Пятнице, 13-м» было намного больше крови, и критики это заметили.

Прославленный кинокритик Джин Сискел стал одним из самых непримиримых противников слешеров в целом и «Пятницы, 13-го» в частности. В своей рецензии[3] Сискел подверг эту картину самой жестокой расправе, доступной кинокритику, — специально заспойлерил финал, чтобы отбить у публики желание смотреть фильм. И, как будто этого было мало, в конце своего отзыва он опубликовал имя и адрес председателя правления кинокомпании Paramount Чарльза Блюдорна и призвал читателей писать ему письма ненависти. Он попытался проделать то же самое с ведущей актрисой Бетси Палмер, но не смог разыскать ее домашний адрес, поэтому предложил читателям слать свои жалобы в ее родной городок Ровейтон в штате Коннектикут.

Свою колонку в *Chicago Tribune* Сискел дополнил выпуском телепрограммы «Предварительный просмотр» (Sneak

Previews), которую вел совместно с легендарным кинокритиком Роджером Эбертом. Они оба не были поклонниками слешеров и решили посвятить целый выпуск осуждению «Пятницы, 13-е» и множества подобных фильмов, появившихся как грибы после дождя вслед за успехом «Хэллоуина». Свое невыносимое отвращение к фильму Сискел излил в нападках на его фанатов, как впоследствии Олексински в рецензии на «Спираль». Сискел разглагольствовал, что фанаты «Пятницы, 13-го» — «какие-то больные уроды», которые «ненавидят женщин»[4].

Мои исследования не подтверждают, что зрители слешеров — больные уроды, ненавидящие женщин. Они болезненно любопытны, и только. Болезненное любопытство — очень простая штука: если можно без особого риска узнать об угрозе, выгодно уделить ей внимание и собрать о ней информацию. В такие моменты мы и становимся любопытными — болезненно любопытными. Сама идея на удивление проста, но за ней стоит сложный комплекс жизненных впечатлений и особенностей личности, и проявляется она по-разному.

Стоит прояснить, что я называю «болезненным любопытством». Эти слова легко понять неправильно. Я не подразумеваю, что любопытство — это болезнь. Говоря о болезненном любопытстве, я не имею в виду любопытство патологическое, ненормальное или нездоровое. Характеристика «болезненное» здесь лишь указывает на то, что речь идет о смерти или о ее причинах; болезненное любопытство пробуждают угрожающие или потенциально опасные вещи. Мои исследования доказывают, что оно в основном направлено на одну из следующих четырех категорий: 1) разум опасных людей; 2) физическое насилие; 3) телесные повреждения; 4) паранормальные угрозы. Я разрабо-

тал шкалу оценки болезненного любопытства, по которой ученые определяют, насколько выражено у человека это качество и к какой из четырех категорий он тяготеет. Как вы узнаете из этой книги, уровень болезненного любопытства надежно предсказывает определенные виды поведения и даже может положительно влиять на психологическое благополучие человека.

Поскольку существует четыре обширные категории болезненного любопытства, его поведенческие проявления весьма многообразны. Так, в наши дни типичный пример болезненного любопытства в повседневной жизни — это просмотр фильмов в жанре хоррора. Темы фильмов ужасов охватывают весь спектр болезненного любопытства, от паранормальных явлений до серийных убийц и чудовищных телесных повреждений. Однако не каждый болезненно любопытный человек является поклонником хоррора (хотя любой фанат хоррора, скорее всего, болезненно любопытен в большей степени, чем средний человек). Поскольку психология любителей хорроров хорошо стыкуется с вышеописанной классификацией из четырех категорий, мы неоднократно будем возвращаться к поклонникам этого жанра как к ключевой группе болезненно любопытных людей. Для вас это станет удобным ориентиром, ведь ужастики — фильмы, книги, жуткие артефакты — окружают нас со всех сторон.

Страшное увлекает не всех людей. Почему же в некоторых из нас так сильна тяга к контенту, связанному со злом, насилием и страданиями? Является ли интерес к темной стороне жизни признаком безнравственности? По моему опыту, это неверное суждение. Я опрашивал и изучал болезненно любопытных людей по всему миру: в местах, где, как считается, водятся призраки, на конференциях люби-

телей ужасов, в университетских аудиториях. И по опыту, и по научным данным эти люди столь же нравственны, сострадательны и добры, как и все остальные. Посещая сборище фанатов хоррора или выставку пугающих диковин, вы не окажетесь среди безумных психопатов, мечтающих застать вас врасплох в темном коридоре. Вы встретите увлеченное сообщество людей, за долгие годы притерпевшихся к косым взглядам и шепоткам за спиной. Вы увидите людей с мрачным умом, но добрым сердцем.

Эта книга основана на результатах самых современных исследований болезненного любопытства. Я первопроходец в изучении этой темы, поэтому многие из экспериментов проводились мной лично или с моим участием. Хотя результаты некоторых из них были опубликованы в последние годы, значительная часть информации почти наверняка окажется новой для многих читателей. Объяснив в главе 1, что такое болезненное любопытство, я рассмотрю в главе 2 его истоки. Вы узнаете, что этот феномен имеет гораздо более глубокие корни, чем мы привыкли думать, и в той или иной форме наблюдается у многих животных. Зебры, скорее всего, не отказались бы от просмотра фильмов о том, как львы преследуют добычу. В следующих главах я подробно раскрою свою новую теорию, объясняющую, почему нас так привлекают тру-крайм, истории о привидениях, развлечения с демонстрацией жестокости, шокирующее искусство и подобные культурные явления.

В главе 7 мы совершим путешествие в мир сновидений и зададимся вопросом, занимающим людей уже несколько тысячелетий: для чего нужны сны? Глава 8 заставит вас переосмыслить понятие эмпатии. Оказывается, если вам нравится фильм, в котором убийца в маске кромсает подростков на куски, это не обязательно значит, что вы не способны

к сопереживанию. Главы 9 и 10 объяснят, почему мы ищем страшные сюжеты в СМИ в страшные времена и как это делает нас сильнее духом. Вместо того чтобы бежать от пугающего мира в счастливые и безопасные фантазии, мы нередко выбираем для эскапизма воображаемые миры, еще более кошмарные, чем реальность. Вы также узнаете о том, чем полезно для психики болезненное любопытство на примере историй о научных экспедициях в места, населенные призраками. Глава 11 раскроет секрет притягательности злодеев для детей — феномена, прекрасно известного многим родителям, — и объяснит, почему исследование идеи зла в игре может быть полезно для психологического развития ребенка.

Хотя болезненное любопытство неотделимо от человеческой природы, оно традиционно является предметом осуждения и несправедливого очернения. Людей, не скрывающих своего интереса к ужасному, нередко считают нездоровыми и превращают в отщепенцев. Главная мысль этой книги: подобное негативное отношение к болезненному любопытству ошибочно. Согласно моим исследованиям, это не порочное пятно на человеческой душе, а весьма распространенная здоровая особенность нашей психологии. Это реликт нашей эволюционной истории, полезный и в современном мире.

Обращаюсь к болезненно любопытным читателям. Я надеюсь, что эта книга поможет вам лучше понять себя: почему вас увлекает тру-крайм, несмотря на отвращение к убийце; почему Хеллоуин дарит вам ощущение уюта и комфорта; почему вы иногда просто не в состоянии отвести взгляд от жутких вещей. Те же, у кого нет страсти к ужасам, начнут понимать своих друзей, которые взахлеб рассказывают о только что вышедшем хорроре или считают машиной своей мечты ветхий катафалк.

Ученые найдут в этой книге оригинальное и более полное объяснение этого феномена, казалось бы, знакомого, но до сих пор не изученного всесторонне. Бихевиористам будет знакомо исследование хищников, однако я рассматриваю его применительно к людям. Это новый и захватывающе интересный ракурс. Антропологи, по всей видимости, уже слышали истории эквадорского народа шуара, бенг из Западной Африки и мехинаку из Центральной Бразилии, но они впервые увидят, как сказания этих племен переплетаются с последними исследованиями тревоги, страха и любопытства. Психологи узнают ряд исследований в области распознавания угрозы, но я рассмотрю эти результаты с других позиций. В силу междисциплинарного характера мой проект изучения болезненного любопытства опирается на эмпирические данные и теоретические выкладки из многих областей научного знания, что делает его актуальным для ученых из разных сфер.

Изучение болезненного любопытства только начинается. На страницах этой книги я объясню, почему нас так тянет к жути, и рассмотрю эволюционные истоки болезненного любопытства, его роль в том, какие развлечения мы предпочитаем, и его неожиданное влияние на психическое здоровье и благополучие человека. Также я постараюсь ответить на ряд спорных вопросов. Является ли болезненное любопытство движущей силой, толкающей психопатов на убийства? Стоит ли вам разрешать своим детям играть в страшные игры? Мы заглянем в самые темные уголки человеческой души, заодно, возможно, разбудив в себе болезненное любопытство.

1

ПОЧЕМУ МЫ НЕ В СИЛАХ ОТВЕРНУТЬСЯ

В зарослях крапивы опасностей мы сорвем цветок — безопасность.*

У. Шекспир

Темное прошлое

Номер 218. Вот и он. Я несколько минут стоял под дверью, звеня ключами и теребя ручку двери, которая упорно не желала отпираться. В шутку я пробормотал: «Послушай, Майкл, я всего лишь пытаюсь попасть в свой номер, то есть в *твой* номер». В тот же миг замок щелкнул и дверь со скрипом растворилась. В комнате никого не было. Я вошел и огляделся. Как будто ничего необычного: телевизор на старом комоде, перед ним большая двуспальная кровать. Напротив дверь на веранду, выходящую на горы

---

* Шекспир У. Генрих IV. Цит. в пер. Е. Бируковой. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

Озарк. Номер 218 ничем не отличался от любого другого номера на третьем этаже. Но в воздухе витало что-то особенное.

Отель «Кресент» в городе Эврика-Спрингс, штат Арканзас, рекламирует себя как самый густонаселенный призраками отель в Америке. Он был построен в 1886 году на вершине холма в горах Озарк и известен мрачной историей, наполненной привидениями. Чаще всего людям встречаются ребенок по имени Бреки, который бродит ночью по коридорам, безымянная женщина, упавшая с крыши отеля, доктор Эллис со своей трубкой, набитой табаком с вишневым ароматом, и Моррис, старый рыжий кот. Но я приехал сюда ради Майкла, первого призрака, обосновавшегося в «Кресенте».

По легенде, молодой ирландец Майкл был каменщиком из бригады, строившей отель. Известно о нем немногое, но истории неизменно упоминают о его ветреной натуре. Однажды, работая на верхних этажах, Майкл заметил идущую мимо здания хорошенькую женщину. Не привыкший упускать возможность познакомиться с красоткой, он перегнулся через балку и что-то крикнул, чтобы привлечь ее внимание. К несчастью, он высунулся слишком далеко и потерял равновесие. Майкл упал с самого верха каркаса постройки и рухнул на опорную балку в стене теперешнего номера 218.

Падение Майкла с высоты было лишь первым в череде таинственных смертельных несчастных случаев в «Кресенте». В 1930-х годах аферист Норман Бейкер купил отель и превратил его в онкологическую больницу. «Больница исцеления от рака», как он назвал свое заведение, обещала страждущим чудодейственное средство, «Формулу номер пять», которую вводили в опухоли с помощью шприца. Пока это место при-

Отель «Кресент», 1890-е годы

надлежало Бейкеру, здесь умерли десятки пациентов. Они слабели день ото дня, потому что их никто не лечил. Когда крики боли начинали пробиваться в коридоры, их переводили в психиатрическое отделение. Разумеется, настоящих психиатров среди персонала не было.

Психиатрическим отделением служило изолированное крыло «Кресента», где страдальцы могли кричать сколько угодно. Тех, кого наконец убивало дьявольское сочетание нелеченого рака и инъекций липового лекарства Бейкера, потихоньку утаскивали в морг в подвале, чтобы кремировать в ту же ночь. Остальные пациенты считали, что исчезнувшие товарищи по несчастью выздоровели и вернулись домой, а не превратились в дым из трубы крематория.

Некоторые номера отеля теперь располагаются в крыле, где когда-то держали так называемых психиатрических больных. Многие постояльцы рассказывают о неприятных запахах, исходящих из стен их номеров. Привиде-

ния также часто появляются в этой части отеля. Кто-то видит медсестру, которая толкает каталку по коридору и растворяется в воздухе. Кто-то слышит среди ночи ужасные звуки — скрип несмазанных колес по полу коридора и потусторонние крики боли.

Крепкий сон, как правило, не входит в перечень удобств, предлагаемых постояльцам номеров с самой высокой паранормальной активностью. По слухам, полтергейст Майкла любит строить козни людям, останавливающимся в номере 218. Многие рассказывают, будто ощущали, как кто-то к ним прикасался — отбросил прядь волос, ударил по руке, хотя они лежали в кровати в одиночку. Другим кто-то якобы быстро переключал воду в душе, меняя горячую на холодную и обратно.

Я провел в номере Майкла одну ночь. Я не почувствовал никакого загадочного присутствия, когда лежал в кровати, и проблем с температурой воды в душе тоже не было. И все-таки я столкнулся с необъяснимым явлением. Поздно вечером, когда я смотрел телевизор, прямо у меня на глазах вдруг медленно выдвинулся ящик комода, словно его кто-то осторожно потянул на себя. Мне пришлось вставать и задвигать ящик несколько раз за вечер.

По словам сотрудников «Кресента», в комнате Майкла наивысшая паранормальная активность во всем отеле. Этот же номер самый востребованный у постояльцев. За ним с небольшим отрывом следуют брони на другие номера с паранормальными явлениями. Нередко номер Майкла бронируется за несколько месяцев до заезда, а на некоторые праздники и выходные — почти за год. Такая популярность объясняется не удобствами, размерами или видом из окна. На фотографиях вы бы не отличили номер Майкла от любого другого номера третьего этажа

этой гостиницы. Единственное, что делает комнату Майкла особенной, — сам Майкл.

В отличие от обычных отелей, персонал которых прилагает все усилия, чтобы гостям хорошо спалось, «Кресент» похваляется беспокойными призраками из прошлого. Целый сайт посвящен зловещим явлениям и испытаниям, с которыми постояльцы могут столкнуться во время своего пребывания в отеле. Многие посетители, не верящие в привидения, бывают так заинтригованы, что снимают на ночь один из якобы населенных призраками номеров. Я был одним из таких гостей!

В чем же причина? Почему кому-то хочется остановиться в отеле, предположительно наводненном привидениями, и дополнительно заплатить за номер с самой дурной славой?

Номера с призраками популярны по той же причине, по которой римляне тысячами собирались в Колизее, жанр тру-крайма захватил телевизионные программы и подкасты, а мы с вами не можем оторвать взгляда от автомобильной аварии по другую сторону шоссе. Все эти зрелища популярны из-за нашего болезненного любопытства.

Почему нас привлекает темная сторона

Любому из нас случалось проявлять болезненное любопытство. Это необычное ощущение влечения к чему-то страшному, отвратительному и неведомому. Двойственное чувство, которое одновременно отталкивает и необъяснимо притягивает. Наши колебания на пороге населенного призраками дома в Хеллоуин, когда тело охватывает дрожь,

а ум упивается коктейлем из возбуждения и страха… Это все оно. Ужасные события, жуткие рассказы и страшное кино захватывают внимание и покоряют воображение. Когда в реальном мире случается что-то плохое, мы хотим узнать об этом первыми. Нам ничего не стоит представить себе кошмарные события. Иногда нам даже приходится сдерживаться, чтобы не вызывать в своем воображении всякие несчастья. Нам приходится запрещать себе думать о поломке и катастрофе самолета, когда он попадает в небольшую турбулентность и вспыхивает сигнал «Пристегните ремни».

Психологи давно утверждают, что люди склонны к негативу — плохие события влияют на нас сильнее хороших[1]. Плохие события быстрее завладевают вниманием, сильнее будоражат, вызывают более сильную эмоциональную реакцию и легче запоминаются, чем хорошие или нейтральные. Когда вы теряете тысячу долларов и чувствуете, словно внутри все оборвалось, это намного более яркое ощущение, чем восторг от выигрыша тысячи долларов. Бурное расставание глубже врезается в память, чем мирное. Отрицательный отзыв воздействует сильнее положительного. В общем, эмоции, взаимодействия, события и ситуации, которые мы воспринимаем как плохие, более мощно на нас влияют. Мы переживаем их острее, обрабатываем связанную с ними информацию тщательнее и сохраняем о них более яркие воспоминания. По словам социального психолога Роя Баумайстера, дурное сильнее хорошего[2].

Но что мы называем негативным или дурным? Это ведь очень обобщенная характеристика. Разумеется, когда происходит что-то плохое, мы это понимаем. Потеря любимого человека, провал на экзамене, тяжелый развод, травма — практически все согласятся, что это плохие вещи.

Однако науке нужны точные определения. Между тем даже насилие — казалось бы, нечто очевидно плохое — не столь однозначно. Насилие тирана в отношении невинной жертвы мы, скорее всего, сочтем злом, но, когда благородный герой прибегает к насилию, чтобы сокрушить злодея, это иное дело. Понятие плохого субъективно и может меняться в зависимости от контекста и личности человека, который оценивает происходящее.

Все мы слышали, что дурные вести распространяются быстрее добрых. Это часто объясняется нашей склонностью к негативу. Однако когнитивный антрополог Паскаль Буайе доказал, что в действительности быстрее распространяются *пугающие* новости. Буайе утверждал, что склонными к негативу нас делает именно информация об угрозах, а не просто негативная.

Информация об угрозах кажется нам важнее любой другой, и люди, которые ее распространяют, внушают больше доверия[3]. Вспомните ведущих новостей. День за днем они сообщают информацию главным образом об убийствах, хищениях и бедствиях. Им и их слушателям эти темы кажутся более важными, чем все остальное. Несмотря на всю эту жуть и беспросветность, многие ведущие, ежедневно передающие информацию об угрозах, пользуются популярностью и уважением аудитории.

Буайе и его коллега Тимоти Блейн эмпирически доказали этот принцип в остроумных экспериментах[4]. Участникам давали список фактов о продукте и предлагали передать что-то из этих сведений другу, который подумывает купить этот продукт. В каждом списке имелось два негативных утверждения, два угрожающего характера и четыре нейтральных. Например, одним из продуктов была краска для волос для домашнего применения. Участники выби-

рали, какие из нижеследующих отзывов они передали бы подруге, планирующей купить эту краску. Однако выбрать можно было только семь утверждений из восьми. Что бы вы вычеркнули?

- Flash Ultra Color™ может вызвать жжение или раздражение кожи головы у людей с определенными типами кожи;
- Flash Ultra Color™ может провоцировать серьезные аллергические реакции;
- Flash Ultra Color™ может смыться с волос всего за несколько дней;
- Flash Ultra Color™ невозможно вернуть, после того как вы вскрыли тюбик;
- Flash Ultra Color™ придает натуральным темным волосам сияющие оттенки;
- Flash Ultra Color™ содержит высококачественное масло виноградной косточки;
- Flash Ultra Color™ легко наносится и гарантированно не течет;
- Flash Ultra Color™ предлагает выбрать самый подходящий вам оттенок онлайн.

Семь отобранных утверждений передавались другому участнику, который выбирал шесть из них для передачи следующему, тот выбирал пять из шести, и т. д., пока не оставалось лишь одно. Негативные утверждения (например, краска может смыться за считаные дни) оказывались финалистами чаще нейтральных (краска содержит высококачественное масло виноградной косточки). Это согласуется с результатами предшествующих исследований склонности к негативу. Однако угрожающие заявления (скажем,

краска может вызывать серьезные аллергические реакции) добирались до конца цепочки передачи информации намного чаще, чем просто негативные. Иными словами, участники считали, что информация об опасности наиболее важна и заслуживает распространения.

Повышенное внимание к опасному распространяется даже на маловероятные угрозы. В последующем исследовании Буайе продемонстрировал, что правдоподобность информации об опасности, которую люди склонны распространять, практически не влияет на восприятие важности этой информации. Даже если вероятность жжения или раздражения кожи головы составляла 2%, это утверждение передавалось участниками друг другу намного чаще остальных утверждений.

Наша восприимчивость к информации об угрозах отчасти объясняется так называемым принципом датчика дыма[5]. Намного лучше, если датчик дыма у вас дома ложно сработает из-за подгоревшей еды на плите, чем если он не сработает при настоящем пожаре. Датчик дыма так устроен, чтобы чутко реагировать на опасность. Поэтому ложноположительное срабатывание происходит намного чаще несрабатывания, и временами вам приходится слушать громкий сигнал, когда вы готовите еду, хотя ничего не горит.

Как правило, ложные срабатывания настоящих датчиков дыма лишь немного раздражают или доставляют некоторые неудобства. Чаще всего то же самое относится и к датчику у нас в голове. Лучше перебдеть, чем недобдеть. Безопаснее разобраться, что это шуршит в кустах, чем игнорировать шуршание. Тело тратит не слишком много энергии на подготовку к реакции на возможную опасность, таящуюся в кустах, а отдача — если там правда что-то есть — колоссальна. Конечно, существует риск перестараться.

Если чувствительность выкручена на максимум, то человек слишком часто откликается на малейшие признаки опасности, что может вызывать патологическую тревожность.

В 99% случаев из 100 ваша судьба не будет зависеть от того, сможете ли вы отреагировать на потенциальную угрозу на полсекунды быстрее. Но оставшийся один процент может предопределить, выживете вы или погибнете. Психологи Джон Тирни и Рой Баумайстер прекрасно сформулировали эту мысль в книге «Эффект негативности»: «Для выживания жизнь должна побеждать ежедневно. Смерти достаточно победить лишь раз»[6].

В долгосрочной перспективе животные, быстрее реагирующие на угрозы, имеют небольшое преимущество в ситуациях, когда нужно спасать свою жизнь. Распространите это на всю популяцию, на миллионы особей за миллионы лет, и увидите сдвиг среднего времени отклика на опасность среди всей популяции — естественный отбор в действии. Животные, в том числе люди, постепенно становились все более чувствительными и любопытными к угрозам в своей среде обитания. Те из них, кто проявлял интерес к информации о потенциальных опасностях и искал такую информацию, были чуть более успешны, за миллионы лет эта склонность впечаталась в нашу психологию. Она же лежит в основе нашего болезненного любопытства.

Наш ум настроен усваивать информацию о хищниках

Существует множество угроз, но главная опасность, с которой сталкивается большинство животных, — это хищники. Быстрая и эффективная реакция на возможное нападение

хищника — одно из важнейших свойств для животного. Многим видам дичи угрожает один определенный хищный вид, например для газелей это гепард. Однако люди, расселяясь по всему земному шару, постоянно сталкивались с новыми хищниками. Поэтому нам выгодно быстро узнавать, может ли быть опасным тот или иной зверь.

Если я попрошу вас представить себе хищника, о чем вы подумаете? Скорее всего, вы вообразите его крупным, с большими клыками и острыми когтями. Все это общие признаки хищников, которые охотятся на млекопитающих. Понятно, почему они выглядят именно так. Крупный размер, большие зубы и клыки полезны, если надо схватить, одолеть и сожрать добычу. По этим признакам у хищников нам легко определять животных как потенциально опасных. Не обязательно много знать о животном, чтобы понять, что лучше не попадаться ему на пути в дикой природе. Универсальная угроза — крупные плотоядные — оставила отметину в человеческой психологии.

Предрасположенность к тому, чтобы быстро выявлять и легко запоминать информацию об опасных животных, дает виду существенное эволюционное преимущество в долгосрочной перспективе. В научной литературе это называется биологической предрасположенностью к обучению.

В исследованиях биологической предрасположенности к обучению часто используются детеныши или неполовозрелые особи изучаемого вида, поскольку менее вероятно, что они уже сталкивались с определенными объектами или ситуациями в своей среде обитания. Главная задача исследователей — установить, как животные реагируют на конкретный стимул, с которым прежде не контактировали. Изучать биологическую предрасположенность к обучению у людей очень сложно, потому что у нас есть речь и культура.

Даже маленький ребенок, никогда лично не контактировавший с чем-то, мог видеть это по телевизору, читать об этом в книге или слышать от друга или родственника. Тем не менее изобретательные ученые нашли способы исследовать эту особенность у детей.

Антрополог Кларк Барретт и его коллеги поставили эксперимент с участием американских детей из Лос-Анджелеса и детей народа шуара из Эквадора для изучения биологической предрасположенности к усвоению информации о диких животных[7]. Согласно их гипотезе, дети лучше усваивают, опасно ли животное, чем запоминают, питается оно растениями или животными.

После всего нескольких учебных сеансов были получены убедительные данные в пользу гипотезы. Американские дети правильно ответили более чем на 70% вопросов об опасности животных, а дети народа шуара — почти на 90%. Это огромный рост по сравнению с тем, что было до обучения. Результаты запоминания рациона животных были намного скромнее у шуара (63% верных ответов) и почти незаметны у маленьких американцев (52%). Неделю спустя дети прошли тот же тест, и результаты оказались практически такими же, что и в первый раз. Информация о том, что животные опасны, правильно вспоминалась намного чаще, чем информация о том, что они едят.

Ум детей готов к усвоению знаний об опасности. Ту же склонность к болезненному любопытству, которая спасала жизни многих поколений их предков, можно усмотреть в результатах современного психологического исследования. Человеческий разум вследствие своей эволюции подготовлен к запоминанию угроз, и это влияет на наши сегодняшние взаимодействия с миром, в котором уже нет опасности реальных хищников.

Решение проблемы опасности

Чтобы эффективно избегать угроз и справляться с ними, нам нужно о них узнавать. Следовательно, наше естественное избегание опасных ситуаций, склонность бояться их должны уравновешиваться любопытством. Мы должны собирать информацию о том, как выглядит опасный зверь или человек, как он себя ведет и какими могут быть последствия встречи с ним. В результате мы имеем две противоположные мотивации: приближаться к потенциальной опасности и избегать ее.

Наш ум сравнивает выгоду и затраты конкретного взаимодействия и принимает решение, какой из этих сильных мотиваций последовать. Нас заводит шанс узнать что-то полезное или испытать душевный подъем и восторг от близости опасности. В то же время мы стремимся избежать травмы, а также отвращения, стыда или горя — вероятных последствий контакта с опасностью. Иногда сравнение выгоды и затрат всплывает на поверхность разума и осознается нами, но зачастую оно происходит в подсознательных глубинах ума и управляет нашим поведением без его участия.

Все мы по-разному взвешиваем выгоды и затраты. Чтобы поддаться болезненному любопытству, вам, может быть, требуется больше потенциальной выгоды, чем кому-то другому. Или же вас не особенно беспокоит отвращение, и связанная с угрозой информация, которой оно сопутствует, не отталкивает вас. Если вы живете в опасном месте или считаете мир опасным, выгода от получения информации об угрозах более важна для вашего выживания.

На относительные веса выгод и затрат влияют сложные и многогранные факторы, но сам расчет, по сути, строится всегда одинаково. Такое взвешивание осуществляют

почти все животные. Однако, как мы узнаем из дальнейших глав, именно у человека болезненное любопытство чрезвычайно сложно и интересно, потому что люди способны *воображать* ситуации. Воображая опасность, люди резко сокращают цену получения информации об угрозах. Поэтому люди — самые болезненно любопытные существа на свете.

В силу своего характера опасные ситуации, особенно нетипичные, содержат в себе ценную информацию. Если вы оказываетесь в редкой или удивительной ситуации, то чувствуете настоятельную потребность разобраться с ней. Скажем, вы проезжаете мимо разбитой машины на дороге и видите тело на носилках. Возможно, у вас возникнет соблазн остановиться и посмотреть. В уме даже могут пронестись определенные мысли о происходящем: «Он что, мертвый? Вроде бы я никогда еще не видел мертвое тело. Кто знает, когда еще выпадет случай взглянуть на мертвеца. Пожалуй, стоит сделать это сейчас…»

Цена получения информации об угрозе может быть высокой — с риском покалечиться или погибнуть. Если меня грабят, я, безусловно, что-то узнаю об ограблениях. Однако опасность для моего физического благополучия значительно перевешивает любую выгоду в виде полученного знания. Или, к примеру, я вижу, как кого-то грабят. Опять-таки, я получаю определенные знания о насилии, но и сам рискую получить случайный удар, а также хочу помочь жертве. Из-за высоких издержек подобных ситуаций мы обычно стараемся их избегать. Именно так большинство животных получают информацию об опасности — они сами подвергаются ей или оказываются свидетелями того, как жертвой становится другое животное. Это снижает уровень болезненного любопытства.

Люди нашли хитрые способы снизить цену наблюдения за опасными ситуациями и свидетельского опыта. Благодаря технологиям мы можем смотреть на ограбления, не подвергаясь ни малейшему риску, и это подпитывает наше болезненное любопытство. Поэтому кадры ограбления с камер видеонаблюдения гарантированно привлекают зрителей выпусков новостей. Люди даже делают следующий шаг и создают истории об ограблениях, которые никогда не происходили. Сочетание низких затрат и выгоды — получения знаний — служит топливом для нашего болезненного любопытства.

Почему мы рассказываем страшные истории

Хотя нам нравится считать себя вершиной пищевой цепочки, на протяжении всей своей истории человечество являлось добычей для всевозможных живых существ. Мы сумели составить каталог наших преследователей в фольклоре — в сказках практически каждой культуры фигурируют местные виды хищников[8]. Истории с участием опасного зверя в форме увлекательного повествования объясняют, какие у него повадки, что он ест, где живет, и сообщают другие сведения, которые стоило бы узнать прежде, чем столкнуться с этим животным в дикой природе. Иными словами, эти истории служат не только для развлечения. Они также передают важную информацию об опасностях, которые могут встретиться человеку.

Многие из вас наверняка знают подобную историю о хищнике. Это сказка о Красной Шапочке и Сером Волке. Едва ли нам когда-нибудь придется разговаривать с вол-

ком, который прикидывается бабушкой, однако в «Красной Шапочке» содержатся некоторые реальные сведения о волках. Эти крупицы информации вплетены в развлекательное повествование — идеальный способ рассказать маленьким детям об опасном хищнике[9].

Давайте вспомним несколько самых важных фраз из этой сказки.

— Бабушка, почему у тебя такие большие руки?
— Чтобы лучше обнять тебя, моя милая.
— Бабушка, почему у тебя такие большие ноги?
— Чтобы быстрее догнать тебя, моя милая.
— Бабушка, почему у тебя такие большие уши?
— Чтобы лучше слышать тебя, моя милая.
— Бабушка, почему у тебя такие большие глаза?
— Чтобы лучше видеть тебя, моя милая.
— Бабушка, почему у тебя такие большие зубы?
— Чтобы съесть тебя, моя милая!

Отсюда маленькие слушатели узнают, как выглядят волки. У них большие ноги, большие уши, большие глаза и большие зубы. Сказка также сообщает читателю, зачем нужны животному эти части тела. Волки используют свои большие передние лапы, чтобы поймать добычу. У них мощные задние лапы, чтобы быстро гнаться за своей едой, острый слух и большие глаза, чтобы издалека обнаруживать дичь. Их огромные зубы убьют тебя, если ты в них попадешься. Кроме того, действие сказки происходит в лесу, где встреча с волком наиболее вероятна. Даже главная героиня придумана так, чтобы целевая аудитория могла себя с ней соотнести. Красная Шапочка — сама маленький наивный ребенок: именно такой человек, который особенно рискует стать жертвой волка.